

БЫТ АЛЕЙСКА НАЧАЛА 1950-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

МАРИНА ЮРЬЕВНА НОВИЦКАЯ

(Федеральный институт развития образования Министерства образования и науки РФ:
Российская федерация, 125319, г. Москва, ул. Черняховского, д. 9, стр. 1)

***Аннотация.** В статье на основе детских воспоминаний автора сделана попытка воспроизвести и осмыслить бытовые особенности жизни семьи и ее ближайшего социокультурного окружения начала 1950-х гг. в одном из малых городов Алтайского края. Через восприятие ребенка, воссозданное взрослым, показаны некоторые картины быта малого города, выросшего из пристаниционного поселка и переселенческих сел. Представлены образцы и рассмотрены механизмы разных уровней межпоколенной трансляции традиционной культуры — дети младшего возраста и подростки; дети и взрослые. Приведены примеры ценностно-смыслового единства и ассоциативной связи визуальных и словесно-музыкальных художественных образов произведений традиционной культуры в детских впечатлениях: духовных стихов, иконописи, житий святых, народных песен, женского рукоделия, детских игр и забав. Обращено внимание на постепенный по мере взросления процесс осознания сосуществования и влияния друг на друга церковного, народно-христианского и светского начал отечественной культуры, взаимопроникновения устной и книжной традиций, форм городской и сельской жизни, а затем и выбор сферы профессиональных и научных интересов автора.*

***Ключевые слова:** Алтайский край, духовные стихи, семейный быт, народное ремесло, детское восприятие.*

Как возникает профессиональный интерес к изучению традиционной культуры? У каждого специалиста свой путь и свой отправной пункт. Для меня это — маленький городок Алейск Алтайского края в начале 1950-х гг. прошлого века.

Вернувшись в Новосибирск в июле 1945 г., после тяжелейшей контузии под Кёнигсбергом и пребывания на излечении в госпиталях, мой отец, Юрий Степанович Новицкий, выполнил обещание, которое они с братом дали матери перед уходом на фронт. Он был рукоположен в дьяконский чин и получил назначение в Алейск.

Мы с папой приехали в город, когда мне было года четыре, летом 1951 г. Жизнь в Алейске тогда текла совершенно

сельская. Во всяком случае, мы, дети, воспринимали ее именно так — через призму детских радостей деревенского приволья, когда природа встречает тебя сразу за порогом дома. Но это, оказывается, был город. И я о нем рассказжу, сопрягая некоторые общие данные с теми, что остались в памяти с детских лет.

Если посмотреть на карту, сразу видно, что Алейск является своеобразным географическим центром Алтайского края. Город расположен в долине двух рек — Алея, самой протяженной реки края, и Горевки. История возникновения его, как и многих других городов России, связана с развитием сети железных дорог на ее просторах: Алейск был основан в 1913 г.

как пристанционный поселок. Этому способствовало весьма выгодное географическое и экономическое расположение на железнодорожной ветке, соединяющей Сибирь со Средней Азией.

Самый старый район города Алейска — поселение Малопонюшево, основанное в 1834 г. В 1850 г. в нем было 11 дворов. После отмены крепостного права усилился приток на Алтай русских переселенцев из европейской части России. В основном они были из Курской, Воронежской и Тамбовской губерний. По переписи 1897 г. в Малопонюшеве уже 72 двора, где проживало 534 человека. Сельское хозяйство стало развиваться ускоренными темпами: переселенцы использовали более совершенные орудия труда, удобрения, а алтайская земля плодородна и горазда на отдачу. Население росло, а значит, необходимо было соответствующее обустройство жизни людей.

Приходская церковь, магазины и школа находились в Большепанюшеве, что в пяти верстах от Малопонюшева. Это и была деревянная церковь в честь Великомученика Димитрия Солунского, в которую приехал служить папа и которая была закрыта и разрушена в 1960 г., через шесть лет после его кончины. Здесь же была деревянная одноэтажная школа, куда я полгода ходила в первый класс. Здесь мы жили в церковном доме под № 12 на Школьной улице напротив церкви. А в Малопонюшеве был маслозавод, куда нас с двоюродной сестрой посылала мама летом за пахтой. И мы тащились с бидончиками по степной дороге пять верст туда и обратно, загребая пыль босыми ножонками, изнывая от жары и совершенно не подозревая, что живем в городе.

Однако уже с 1935 г. в пристанционном поселке появились телеграф, телефонная станция на сто номеров и 250 радиоточек. В 1936 г. в Алейске проживало уже 14 тысяч человек. С января 1939 г. Алейск был переименован в город районного подчинения. Через двенадцать лет после получения им городского статуса мы в него и приехали.

Храм, как сейчас понимаю, был, очевидно, построен по типовому проекту зданий для сельских церквей. Но мне он, давно разрушенный, и сейчас помнится как самый прекрасный и особенный. Он стоял на небольшом взгорочке. И всегда

был перед глазами — летом на зеленом муравчатом ковре, зимой на чистом серебристо-белоснежном покрывале. В погожие праздничные дни у храма, бывало, после службы оставалась группа прихожан. Сидели у ограды и пели длинные, совершенно для меня тогда особенные песни — духовные стихи. Два из них запомнились, потому что поразили детское воображение. Первый — «Житейское море». Слов именно того варианта я не смогу воспроизвести. Но знаю, что они в моем восприятии тогда были связаны с тем впечатлением, которое производил на меня, девочку, сюжет клейма иконы святителя Николая с житием в нашем храме: бурные волны захлестывают лодку в море, утопающие с мольбой протягивают руки к небу. Когда после кончины папы в 1954 г. мы вернулись в Новосибирск, я неоднократно слушала эту песню в исполнении священника Вознесенской церкви о. Николая (Магницкого) и с радостью вторила ему. Сейчас в Интернете часто автором слов и музыки этого произведения называют митрополита Ростовского Иосифа (Петровых) — основателя каткомбной Истинно Православной Церкви.

Другой сюжет, запомнившийся из репертуара прихожан у храма, — духовные стихи о великомученике Димитрии Солунском. В восприятии ребенка он был похож на сказку о страшном Мамае и чудесном воине-победителе. А еще, конечно, поражало воображение чудесное спасение двух девиц-полонянок, во сне перенесенных на вышитом ими ковре с изображением святого за престол в храме, ему посвященном. Так как я никаких пояснений ни у кого не просила, а додумывала сама то, чего не знала, каким-то неведомым путем словесно-поэтический образ святого сливался с его изображением на храмовой иконе, а «соборная Божия церковь во Солун-граде» виделась точно как наша церковь — тоже ведь Димитрия Солунского. И это было необыкновенно притягательно, словно ты чуточку становился свидетелем того волшебного события!

Немного о природном явлении Алтайского края, которое тоже поражало и приносило особые черты в быт его жителей. Бураны были такие, что снегом до крыш заносило не только землянки, каких тогда

Храм Димитрия Солунского в Алейске, Алтайский край
The Church of Dimitry Solunskiy in Aleysk, Altay Region

еще хватало, а и настоящие дома. В снежный плен попадали все без исключения. За несколько дней по радио — черная тарелка на стене! — передавали штормовое предупреждение. И во всех домах готовились к бурану: кто мог, закупал продукты и все необходимое на всякий случай; заводили в холодные сени дворовых собак из будок при доме; закрывали ставни. Хорошие хозяева строили дома так, чтобы и скотина, и сено для нее, и дрова для печи — все было под рукой и под крышей. У нас было двое больших сеней — теплые и холодные. Там всегда был запас дров и самых необходимых зимой заготовок — квашеная капуста, грибы, соленые арбузы. Картошка, морковь, свекла, тыква и другая огородина, выращенная летом, хранилась в домашнем подполье и была доступна в любой буран. В воде недостатка не было, даже если буран длился несколько суток: входная дверь из холодных сенцев отворялась внутрь, открывая и набирая снег, сколько нужно.

Когда буран заканчивался, из каждого жилища люди начинали расчищать снеговые коридоры на улицу, к соседям;

вдоль уличной стены дома, куда выходили окошки, открывали ставни. А вот со стороны глухой стены к огороду снег не чистили, по крайней мере, сразу. И я помню, как мы, ребятишки, с удовольствием катались с такой снежной горки на санках далеко-далеко в ровные просторы белого заснеженного огорода. У каждого дома прямо с его крыши появлялись такие замечательные горки. Интересно было после снежного заточения выбираться в первый раз из дома и смотреть вокруг с высоты, особенно в яркий солнечный день: будто заново родился, кругом, насколько глаз хватает, неизведанное чистое серебристое пространство, а в нем то тут, то там дымки из печей курятся...

Радио было, а электричества в нашем конце города не было ни в домах, ни даже в школе. Когда на улице становилось темно, в домах зажигали керосиновые лампы. Поэтому керосин был в домашнем хозяйстве необходим, за ним специально ходили в магазин. Но в любом случае его расходовали экономно, зря не жгли, часто по вечерам долго сумерничали, пока хоть что-то можно было различать в доме,

и если домашняя работа не требовала много света.

В школе керосиновые лампы стояли высоко под потолком на небольших специальных полочках. Может быть, это было и невысоко, а мне только так казалось из-за маленького роста. Во всяком случае, мы, первоклашки, до ламп достать не могли. Как только рассветало, лампы гасили. Верхнюю одежду ребятишки вешали на длинную деревянную вешалку, которая была прибита в каждом классе вдоль стены от двери. В нашем классе форменное школьное коричневое платье с белым воротничком, манжетами и с фартуком носила только дочь учительницы, остальные были кто в чем — что у кого было. А было все очень скромное. Тетрадки школьные были с первого класса, в косую линейку и в клеточку, с промочками. На газетах в 1954 г. ученики уже не писали. Но бумаги чистой все равно было очень мало, ее всегда экономили.

Перейду к рассказу о строе семейной жизни, в которой в разное время года были для нас свои радости. Начну с зимы, готовились к которой уже с ранней весны. Наверное, в марте, когда на улице еще лежал глубокий снег, мама начинала проращивать семена для весенних посадок на огороде. Это была помидорная рассада, весело зеленевшая на подоконниках. Земля в Алтайском крае плодородная, много чего выращивали на огороде, даже арбузы, которые на зиму солили. Весной же в доме появлялись желтенькие цыплятки. Жили они в невысоких ящичках до относительно сознательного возраста, а потом их выпускали на зеленую травку. Там целое лето и осень росла птичья компания. Куры несли яйца, а петушки предназначались для еды. Жалко, да ничего не поделаешь. С поздней осени в зиму их тушки висели, замороженные, в холодных сенцах.

Итак, с осени соленья были заготовлены, ягоды и грибы засушены. Как только наступали первые хорошие морозы, мы начинали делать пельмени — разные. На пост делали с грибной и капустной начинкой, для мясоеда — с мясной, часто комбинированной: мясо с квашеной капустой, с рисом, толченой картошкой и луком. Готовые пельмени выкладывали на противни, с азартом пересчитывали — кто

сколько сделал! — и выносили на мороз. Пельмени замерзали «до звона», и их с оптимистичным перестуком ссыпали в чистые полотняные мешки, завязывали, прикрепляли записочку с названием начинки и подвешивали в холодных сенях. И по потребности доставали, варили и ели чуть не целую зиму. Правда, и на заготовку их уходило недели две-три, если не больше. И так было практически в каждом домашнем хозяйстве нашей части города; хозяйки друг другу докладывали, сколько и каких пельменей наготовили, щедро делились рецептами.

Зимние вечера длинные. И вот появилась в нашем конце Алейска мастерица, она плела из бумажных, как говорили, ниток замечательные покрывала, накидушки, шторы, скатерти, салфетки и была у хозяек, любивших домашний уют, нарасхват. Мама тоже любила, чтобы в доме было красиво. На окнах у нас висели беленькие занавесочки, поверху — полоса в волнистую складочку, а в середине окна — задергушки из двух половинок. Смастерила их мама из марли, которую достала по случаю, накрахмалила, выгладила, повесила — любо-дорого глядеть! Но, конечно, ей хотелось настоящей красоты, такой, как она понималась в то скромное, небогатое время. И мама пригласила эту волшебную мастерицу. Та работала по старинному народному способу. Она переходила из дома в дом, переноса с собой свои инструменты, и оставалась жить в доме, пока выполняла заказ его хозяйки. Главное, что я запомнила, — это деревянные рамы разных размеров и форм: большие, средние и маленькие, квадратные и прямоугольные. По краям рам были набиты гвоздочки, на них натягивалась нитяная основа в мелкую сеточку — квадратики приблизительно со стороной в полсантиметра; по этой основе прокладывались одноцветные или цветные узоры, геометрически орнаментальные или растительные — розы, лилии, ромашки. Инструмент — мастера, материал — хозяев. Еда тоже хозяйская. По окончании работы, видимо, давалась еще и какая-то денежка, но я этого не знаю. А то, что мастерица всегда ела с нами за одним столом и вообще стала как родная, это правда. Звали рукодельницу Варварой. За то время, пока мастерица работала

в доме, к хозяйке обязательно заглядывала то одна, то другая соседка, активно работало «сарафанное радио». И обязательно к концу срока у рукодельницы появлялась следующая заказчица.

Но у нас в доме за это время произошло нечто еще более важное — сложился сам собой целый посиделочный женский круг. К нам приходили соседки с работой, которая не требовала много света: кто вязал носки, кто варежки, кто пряд нити из козьей шерсти. И мастерица работала тоже. Керосиновая лампа стояла на столе, освещая то небольшое пространство комнаты, где сидела главная рукодельница, — остальные работали в полутьме, «наизусть»; благо спичками вяжут даже слепые, я это сама видела.

Шло время рождественского поста. Разговоров бабьих было немного, и то тихие, вполголоса. К этому располагала вся атмосфера в доме: иконы в переднем углу, полумрак, потрескивание дров в печи и наверное, немаловажно — папино присутствие. Папа, сидя за столом, рядом с лампой, читал нам всем жития святых. Я сидела тут же, со всеми, без работы, на маленькой скамеечке, и слушала. И не отрываясь, снизу вверх со своей скамеечки, смотрела на папино лицо, на руки, которые время от времени неторопливо перелистывали страницы Четых мией. С детства запомнила красивое, торжественное и таинственное название книги. И потом, через много лет, в университете, на лекциях по древнерусской литературе, для меня это название было родным.

Папа читал жития святых по дням их памяти. Чей день — того и житие. Запомнились три жития — апостола Андрея Первозванного, великомученицы Варвары и святителя Николая Чудотворца. Ребенку, конечно, врезались в душу рассказы о страшных муках и кончине Андрея и Варвары и дивные чудеса Николая. А еще в эти зимние вечера я получила дар, который осознанно оценила опять-таки только через много лет, в университете. Подобное тянется к подобному. На эти постовые посиделки к нам приходили женщины, которые знали, умели и любили петь духовные стихи! Названия этого народного песенного жанра они слыхом не слыхивали, а петь пели.

Духовные стихи про Варвару разрывали мое детское сердце жалостью к ней; я

тихо, глотая слезы, подвывала тонюсеньким голоском вслед за певицами, даже до конца не всё понимая в этом тексте. А уж строка «Крест на камне начертала, как на мягком на песке...» звучала в душе еще долго-долго и не отпускала от себя простотой и верой в истинность чудесного этого события.

И была еще песня, которая заставляла переживать так же глубоко, как за тяжелые страдания святых. Это была песня про тонкую рябину, которая не могла перебраться под защиту могучего дуба. Она одна из народных песен, да притом позднего литературного происхождения, и звучала в эти вечера. Она покорила мое сердце не только жалостью к горькой судьбине беззащитного деревца, но и слаженным многоголосым звучанием, отличавшимся от одноголосия духовных стихов. Эту песню пели на два-три голоса, негромко, с печальным смирением перед выпавшей на долю рябины горем... И я подстраивалась под чей-нибудь подходящий мне по высоте голос, а если такого не находилось, интуитивно брала на октаву вверх и сама внутренне замирала от того, как вился мой девчоночий голосок над всеми другими голосами и как бережно взрослые старались петь тише, чтобы этот голос не заглушить. Как одобрительно смотрел на меня папа. Потому никак нельзя было сбиться и нарушить песню. Это я поняла очень рано без слов. А сейчас понимаю, что бережная поддержка взрослыми маленькой певицы была одним из проявлений мудрой народной педагогики.

Как мне сейчас видится, репертуар певцов у храма и наших постовых посиделок не пересекался. Возможно, это определялось тем, что в храмовой смешанной группе было больше мужчин, а у нас дома — женщины. Хотя однозначно утверждать не могу, так как все сюжеты не помню.

Теперь про игры. Во что бы ни играли — все было замечательно. Под столами в комнатах собственные себе дома устраивали, хозяйство заводили, из травы, песка и камешков супы варили, в гости приглашали, друг друга угощали. Устраивали на огороде секретники, куда прятали драгоценности из расписного битого стекла. Но самым таинственно волнующим было выливание

тарантулов из их домиков в земле. Это была и необходимость в определенное время года, потому что тарантулы — насекомые ядовитые, их укусов опасались и дети, и взрослые. И одновременно это была захватывающе опасная и интересная игра, которой нас, приезжих, научили местные подростки.

Тарантулы водились на пригорочке, где-то в стороне от дома. В это время у них появлялись на свет тарантулята. Мы брали с собой воду в лейке, вынимая из ее длинного горла рассеивающую головку с дырочками, запасались подходящими камнями и отправлялись в поход. На театре боевых действий, проведя разведку местности, обнаруживали расположение противника и начинали операцию. Это происходило так. Через небольшую круглую дырочку в тарантулиное жилище лилась вода, мы напряженно наблюдали, когда ее наберется столько, что в какой-то момент на вершине водяного столба наверх поднимется тарантулиха с тарантулятами на спине. Важно было не пропустить то мгновение, когда она выскакивала на поверхность, и быстро ударить камнем все семейство одновременно, пока насекомые не разбежались в разные стороны. Жестокое? Но мы сражались за свою безопасность и возможность бегать босиком, без угрозы быть укушенными этим маленьким, но ядовитым животным. За военными действиями внимательно наблюдал наш местный деревенский дурачок. При каждой нашей победе он восторженно восклицал: «Во-о-о! Какие дядивы!» Это присловье долго жило в нашей семье.

Помнятся летние качели, на двух высоких толстых столбах с перекладиной и широкой доской, которая крепилась так, чтобы на ней могли раскачиваться пары, стоя друг против друга. Ставили качели на Пасху, и качались на них только юноши и девушки. Качались так высоко, что даже глядеть со стороны было страшно. Для детей же устраивали другое развлечение: вкапывали столб, укрепляли на его вершине

колесо с толстыми бечевками на одинаковом расстоянии друг от друга. За каждую бечевку ухватывался ребенок, и все вместе бежали, раскручивая колесо, а потом взлетали на воздух и кружились, постепенно опускаясь вновь до земли по мере замедления движения колеса. Удовольствие тоже не для робких. Вообще большая часть коллективных игр, когда собирались вместе ребятишки из нескольких соседних домов, была спортивного характера типа догонялок, третьего лишнего, прятков, жмурок, игр с мячом, например, вышибала, штандер. Маленький городок с сельским образом жизни мог предоставить такую возможность своим маленьким жителям, чтобы они росли храбрыми и выносливыми.

Как оказалось потом, три детских года, прожитых в этом городе, определили направление, в котором был сделан выбор профессии. На собственном опыте была прочувствована жизненная сила и устойчивость повседневных и праздничных традиций, худо-бедно сохранявшихся в народе даже в те неуютные времена на стыке быта малого города, пристанционного поселка и переселенческих сел, на основе которых он рос. На себе были испытаны механизмы разных уровней межпоколенной трансляции культуры — дети младшего возраста и подростки; дети и взрослые. Были эмоционально восприняты ценностно-смысловое единство и ассоциативная связь визуальных и словесно-музыкальных художественных образов традиционной культуры. На личностном уровне с возрастом было постепенно осознано сосуществование и влияние друг на друга церковного, народно-христианского и светского начал отечественной культуры, взаимопроникновение устной и книжной традиций, форм городской и сельской жизни. В результате сложилось убеждение в необходимости преемственности культуры из поколения в поколение, сохранения для потомков и изучения ее богатства. Ведь каков народ, таковы и дети; каковы дети, таков и народ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра дошкольного, общего, дополнительного и коррекционного образования Федерального института развития образования Министерства образования Российской Федерации: Российская Федерация, 125319, г. Москва, ул. Черняховского, д. 9, стр. 1; тел.: +7 (499) 152-73-41; e-mail: asmolov.a@firo.ru

LIFE IN ALEYSK IN THE BEGINNING OF THE 1950s THROUGH THE EYES OF A CHILD

MARINA NOVITSKAYA

(Federal Institute for Education Development of the Ministry of Education of the Russian Federation: 9–1, Chernyakhovskogo str., Moscow, 125319, Russian Federation)

Summary. *On the basis of the author's childhood memories this article attempts to reproduce and understand the peculiarities of everyday life of the family and its socio-cultural environment at the beginning of the 1950s in one of small towns of Altay Region. Through the perception of a child, recreated verbally and reconsidered by an adult, it is showing pictures of life at a small city that has grown out of a settlement near a railroad station and resettlement villages. Cases of intergeneration transition of traditional culture are given and its mechanisms are explained. It is exemplified in axiological and value coherence and association in the child's individual experiences of visual and verbal-musical art images from traditional culture, as spiritual verses, icons, hagiography, folk songs, female handicraft, games and entertainments of children. Attention is drawn to the gradual process of growing awareness for coexistence and mutual influence between church, folk Christianity and secular principles of the national culture. These items are related to author's forthcoming choice of professional scholarly interests.*
Key words: Altay Region, spiritual verses, family life, handicrafts, child's perception.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: asmolov.a@firo.ru

Tel.: +7 (499) 152-73-41

9–1, Chernyakhovskogo str., Moscow, 125319, Russian Federation

PhD (Philology), leading researcher, Center of preschool, basic, extended and remedial education, Federal Institute for Education Development of the Ministry of Education of the Russian Federation
